

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КОРАНИ

Перевод и комментарии

И.Ю.КРАЧКОВСКОГО

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

ББК 86.38
К 66

Редактор
В. И. БЕЛЯЕВ

К 66 **Коран.** Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского.
Изд. 2-е. М. Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

727 с., ил.

Издание воспроизводит без изменений публикацию изданного в 1963 г. перевода Корана на русский язык, выполненного акад. И. Ю. Крачковским. К изданию приложен список опечаток и других ошибок, допущенных в первом издании.

К 0400000000-015 Без объявления
013(02)-86

ББК 86.38

© Изд. 2-е:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Выход в свет в 1963 г. издания Корана в русском переводе академика И. Ю. Крачковского, которое было осуществлено Издательством восточной литературы, стал событием в нашей научной и культурной жизни. Это обусловлено прежде всего историко-культурным значением Корана, главной священной книги мусульман, единственного в своем роде памятника мировой литературы. По масштабам воздействия на духовное и общественное развитие народов Востока Коран принадлежит к культурному наследию всего человечества. В истории мировой культуры он стоит в одном ряду с Ветхим и Новым заветами.

Естественно, что появление этого издания было замечено всей читающей общественностью нашей страны. Посмертную публикацию труда И. Ю. Крачковского (ум. в 1951 г.), выдающегося советского востоковеда, с интересом встретили специалисты во всем мире. Единодушная живая реакция лучше всего показала, насколько велика и настоятельна потребность в современном переводе Корана, точном, литературно адекватном и тщательно прокомментированном. Растущее осознание вклада мусульманской культуры в формирование истоков современной цивилизации, увеличивающаяся роль народов мусульманского Востока в политическом и социальном развитии человечества все больше привлекают внимание к основам их духовной жизни, к содержанию идеологии ислама.

Знакомство с Кораном играет важную роль в реализации общего стремления к духовному диалогу и взаимопониманию. Коран является основой религии ислама. Он содержит регламентации религиозных обрядов, моральные предписания и

правовые установления, определяет обычаи и традиции, важнейшие моменты уклада жизни и образа поведения миллионов людей. Тексты Корана произносятся во время общественных и частных молитв, на государственных и семейных празднествах, по самым разным поводам повседневной жизни. Слова и выражения из Корана вошли в литературную и обиходную речь мусульман независимо от их языка и национальности. Намеки на образы и мотивы Корана насыщают литературу народов мусульманского Востока. Здесь вполне уместной была бы аналогия с Ветхим заветом и Евангелием.

Выход в свет Корана в русском переводе И. Ю. Крачковского оказал большую услугу развитию в нашей стране исследований по истории ислама и мусульманской цивилизации, способствовал созданию более точного представления о содержании Корана, а вместе с тем и правильному пониманию многих сторон и явлений истории мусульманского мира и жизни мусульманского Востока наших дней. Специалисты-востоковеды, историки религии, пропагандисты знаний о прошлом и настоящем мусульманских народов получили необходимое пособие. Читатели, интересовавшиеся идеологической историей Востока, получили доступ к уникальному памятнику мирового значения. Стоит ли говорить о том, что эта книга сразу же стала библиографической редкостью.

Вместе с тем издание 1963 г. вызвало известное разочарование читателей, испытавших затруднения в понимании многих мест перевода и в восприятии его словесной формы. Высказывались сожаления об отсутствии введения, характеризующего памятник и основные проблемы его изучения, и особенно об отсутствии научного комментария. Справедливые сами по себе, эти упреки тем не менее необоснованны по отношению к самому изданию и высокому авторитету переводчика и вызваны прежде всего неверным пониманием характера этой публикации. В предисловии к изданию 1963 г. редактор и подготовитель сделали соответствующие разъяснения. Как оказалось, они нуждаются в детализации.

Прежде всего необходимо отметить, что многие затрудне-

ния в понимании русского текста, относимые на счет переводчика, в действительности обусловлены глубоким своеобразием содержания и формы этого памятника, возникшего на рубеже двух исторических эпох — на переходе от родового строя к классовому, сопровождавшемся коренными изменениями основ мировоззрения. Многие сокровенные проявления духовного мира людей родового общества древней Аравии оказались при этом навсегда утраченными для нашего понимания. В большинстве своем они были утрачены для понимания даже средневековых мусульман. Уже в средние века Коран вообще не читали без комментариев. Для его понимания недостаточно было и внутреннего ощущения языка. Причина состояла в отсутствии культурной преемственности. Ислам рождался и утверждался отрицанием языческой культуры. Передача ее духовных основ была нарушена, и даже ближайшие поколения арабов многого не понимали в идеологическом языке своих предков. Еще больше непонятного было в Коране для неарабских народов, живших совершенно иными культурными и идеологическими традициями. Самые ранние комментаторы либо сводили толкование таких мест к простому объяснению грамматической формы слов, либо нагромождали домыслы, обычно подкреплявшиеся ссылками на материалы из иудео-христианского религиозного фольклора.

Современной науке остаются неизвестными важные элементы религиозного сознания и верований, обрядовых и культурных традиций языческого населения родо-племенной Аравии VI—начала VII в., к которым постоянно апеллирует в Коране Мухаммад и которые были главным объектом его отрицаний, но вместе с тем и источником, обычно неосознанным, его религиозного вдохновения. Теперь это делает непонятными многие движения мысли и эмоций пророка, непрослеживаемой — связь многих его ассоциаций.

Несмотря на сравнительно большой объем сохранившегося наследия доисламской Аравии, прежде всего поэзии, фактически утрачен богатый фольклор оседлых и кочевых языческих племен, бедуинских племен, принявших христианство

или иудаизм, в особенности повествования мифологического содержания, религиозные предания иудейских и христианских общин, живших на территории Аравийского полуострова, в частности в Мекке и в Медине (Йасрибе). Наконец, мы почти ничего не знаем о религиозном фольклоре, сопутствовавшем пророческому и богоискательскому движениям в Аравии VI—первой половины VII в., к которым принадлежал и сам Мухаммад. Между тем именно эта культурно-идеологическая стихия служила питающей средой идей, образов и мотивов «пророческих откровений» Мухаммада. К ней он постоянно обращался, на нее ссылались он сам и его слушатели. «Росказни предков!», «Это мы уже слышали от других!» — отвечали соплеменники Мухаммада на некоторые его назидательные рассказы и притчи. Отсутствие этого фольклора затрудняет сейчас понимание и перевод многих мест Корана.

Читатели, впервые знакомящиеся с текстом Корана, обычно ожидают найти в нем цельное литературное произведение с единой композиционной схемой, подобное большинству ветхозаветных или евангельских текстов, или же нечто вроде трактата, содержащего последовательное изложение системы вероучения ислама. Между тем Коран — произведение, рождавшееся стихийно и без какого-либо плана. Он состоит из речей и проповедей, увещательных или обличительных «пророческих откровений», назидательных историко-религиозных рассказов о судьбе древних народов и посланных к ним пророков, притч и заклинаний, этико-правовых и обрядовых предписаний. Они были произнесены в разное время в течение более чем двадцати лет, с 610 по 632 г., перед разной аудиторией, по конкретным обстоятельствам, в связи с разными событиями, иногда рожденные одним лишь внутренним побуждением без какого-либо внешнего повода. Ранние части — это вообще лирические исповеди, страстные монологи о всемогуществе единого бога и неминуемом воздаянии в Судный день.

Содержание Корана хаотично и многопланово, что, естественно, затрудняет его восприятие. Будучи по преимуществу религиозно-философским и законодательным памятником, Ко-

ран является и уникальным историко-культурным памятником Аравии конца VI—первой четверти VII в. и в то же время литературным произведением, отмеченным выдающимися художественными достоинствами. Это глубокий психологический документ, запечатлевший этапы эволюции личности Мухаммада, его становления как вероучителя и человека новой эпохи. Это — самый ранний памятник прозы на арабском языке. Воспринятый как слово Аллаха, Коран сыграл исключительную роль в формировании единого литературного языка арабских народов и в его распространении в странах Азии и Африки.

Коран возник как устная речь, в изустной передаче он существовал и при жизни Мухаммада, и после его смерти. Изустной была вся словесность родового общества Аравии. Это составляет специфику его культуры. Магической силой обладало в ней слово, звук, а не буква. Существовавшие тогда арамейская, сирийская, набатейская, сабейско-химйаритская и собственная, еще примитивная, арабская письменность использовались главным образом для торговых и политических документов. Память слушателей Мухаммада фиксировала поток откровений, спонтанно возникавших в продолжение почти четверти века. Каждое откровение казалось и единственным, и последним. Записи носили случайный характер и были частным делом. Основная часть текста передавалась по памяти. Что-то было забыто самим Мухаммадом, что-то — его слушателями.

В 651 г., согласно преданию, сохранившиеся в памяти и в частных записях откровения Мухаммада были собраны и сведены в одном списке. Его текст был признан единственно полным и подлинным словом Аллаха. Как священный, он передавался в неизменном виде до наших дней и представляет текст Корана в его нынешнем виде. И мусульманские богословы, и современные исследователи признают, что некоторые места Корана являются пересказом подлинных слов Мухаммада, отдельные стихи переданы с искажениями, а целые отрывки и даже главы-суры составлены из текстов, произнесенных в раз-

ное время. Признанные при собрании полного списка подлинными тексты Корана составили 114 глав-сур, которые были расположены — за неимением другого — по совершенно формальному принципу: самые длинные суры были помещены в начале (исключение — первая сура, молитва, открывающая Коран), короткие в конце. Это и объясняет отсутствие логической связи между главами-сурами, а иногда и внутри глав, непоследовательности и противоречия, иногда действительные, а иногда только кажущиеся, неоднородность стиля и языка священной книги.

Многие так называемые «темные» места в переводе Корана, также обычно относимые на счет переводчика, в действительности объясняются еще одной особенностью Корана. Он сложился как затянувшийся на долгие годы напряженный диалог Мухаммада с самим собой, диалог между богом и Мухаммадом, между богом и людьми (причем Аллах говорит от своего имени и в первом лице — «я», «мы»), между Мухаммадом и его слушателями — язычниками-соплеменниками, мекканскими и мединскими иудеями и христианами, единоверцами и еще не уверившимися в его правоте, между жаждавшими услышать богооткровенное слово и злобно насмехавшимися над проповедующим пророком. Это была живая речь, обращенная к конкретным людям в конкретных ситуациях. Однако во многих случаях ничего не известно ни о тех, ни о других.

Кроме того, в Коране представлена речь лишь одной стороны — слова Мухаммада, произнесенные им в ответ на неизвестные нам реплики его аудитории, его возражения на какие-то обвинения в его адрес, ответы на какие-то вопросы и недоумения приверженцев, сказанные по поводам, суть которых была неясна уже ближайшим поколениям мусульман. Только в нескольких случаях Мухаммад цитирует обращенные к нему реплики или пересказывает слова своих возражателей, на которые дает ответ он сам или бог.

Наличие в Коране множества такого рода темных мест, непонятных намеков, внешне не мотивированных ассоциаций

и т. п., обусловленных названными выше обстоятельствами, вызвали к жизни целую отрасль средневекового мусульманского богословия, специально посвященную объяснению смысла и словесной формы текста Корана. Им посвящена и обширная уже научная литература. Тем не менее значение ряда слов и выражений, действительный подтекст и смысл многих мест Корана так и остались нераскрытыми, и это ставит подчас неразрешимые задачи перед переводчиком, вынужденным передавать текст вне смыслового контекста.

Задуманный академиком И. Ю. Крачковским новый русский перевод Корана был осуществлен им лишь в первом, еще рабочем варианте, не обработанном окончательно и, естественно, не предназначавшемся в таком виде для печати. Он был опубликован в 1963 г. в связи с изданием «Избранных сочинений» И. Ю. Крачковского как архивный материал ученого. При этом издатели исходили из того, что этот рабочий перевод точно передает арабский оригинал и принесет пользу дальнейшей работе по подготовке академического перевода Корана. Издатели учитывали также тот факт, что изданный почти сто лет назад (в 1878 г.) и давно ставший книжным раритетом единственный выполненный непосредственно с арабского языка русский перевод Корана, принадлежащий Г. С. Саблукову, не отвечает ни потребностям современной науки, ни уровню требований сегодняшнего читателя.

Действительно, рабочий перевод И. Ю. Крачковского представлял большой шаг вперед по сравнению с переводом Г. С. Саблукова, выполненным архаичным языком, насыщенным христианской фразеологией, чуждой Корану, а в понимании текста полностью зависевшим от поздних комментариев, главным образом татарских богословов. И. Ю. Крачковский поставил себе целью передать текст Корана, опираясь в основном на контекст и словоупотребление самого памятника, не обращая по возможности к специальным словарям и пособиям, в особенности к богословским комментариям — тафсирам. На этом этапе работы над переводом И. Ю. Крачковский часто прибегал к подстрочной форме передачи арабского

текста, иногда нарочито буквальная, местами сохранял синтаксис подлинника, сознательно пользовался малоупотребительными русскими словами и выражениями, чтобы избежать стилизованных и лексических шаблонов и штампов и поверхностных интерпретаций. Все эти места должны были в дальнейшем в первую очередь привлечь его внимание для углубленной обработки. Они-то, естественно, и вызывают теперь трудности при чтении перевода.

Время показало, что эта публикация была обоснованной и принесла несомненную пользу нашей востоковедной науке. Научное значение ее — при всех отмеченных выше недостатках перевода — определяется филологической точностью передачи арабского текста и новизной методического подхода, предложенного И. Ю. Крачковским. Принадлежащий выдающемуся знатоку арабского языка и литературы, этот перевод является и будет служить надежной основой для всех будущих русских переводов Корана. Его подход к переводу сохраняет свою ценность по сей день как, в сущности, единственно возможный путь к адекватному истолкованию одного из сложнейших для перевода литературных памятников.

И. Ю. Крачковский не сформулировал и не обосновал печатно своего, как он назвал его, «литературного подхода» к Корану. В конспектах лекций, прочитанных в 20—40 годах (см. «Приложения», с. 664 и сл.), подчеркнута необходимость изучения и истолкования Корана в контексте «определенной среды, определенного общества», а именно «оседлой среды центра западной Аравии» (с. 667, 674, 675), отказавшись от традиционных толкований мусульманских экзегетов. Будучи филологом по своей научной подготовке и по складу своего исследовательского дарования, И. Ю. Крачковский рассматривал Коран прежде всего как «литературно-языковое произведение» (с. 672), как памятник устной словесности, созданный на языке той среды, где жил Мухаммад, который использовал приемы словесного искусства, привычные в этой среде, и обращавшиеся в ней фольклорные сюжеты, образы и мотивы.

Такой подход подсказывал и свою методику перевода, которая в 20—30-е годы, несомненно, была и новаторской, и плодотворной. Такой она остается и в наше время и в полной мере не реализована еще ни в одном из появившихся с тех пор переводов. В конечном счете эта методика предполагает при решении собственно текстологических проблем, равно как и при истолковании текста Корана, а стало быть, и при переводе, обращение прежде всего к широкому контексту самого памятника, а вне его — к языку и словесности Аравии той эпохи, к материалам о религиозных верованиях, идеологических исканиях и социальной психологии населения ее оседлых центров. Этот подход предполагает широкое привлечение сохранившихся памятников бедуинской поэзии и прозы оседлого населения Внутренней Аравии времен Мухаммада (вторая половина VI—первая половина VII в.), а также памятников бедуинской поэзии V—первой половины VII в., поэзии так называемых поэтов-мухадрамов, принявших ислам уже в зрелом возрасте. Именно здесь, а не в многотомных трудах средневековых экзегетов в первую очередь следует искать объяснения так называемым «темным» местам Корана, понимания языковых и стилистических неожиданностей. Эти материалы позволят точнее уяснить характер и пути переосмысления Мухаммадом традиционной социально-культурной лексики родового общества и найти критерии для объективной оценки его новаторства в области идеологии и языка. В этой связи можно указать, что мусульманские комментаторы священной книги, особенно в первые века ислама, широко использовали доисламскую поэзию для объяснения грамматических форм и смысла отдельных слов и выражений Корана.

Плодотворность такого подхода к изучению и переводу Корана показали, в частности, исследования коранической лексики на основе контекстного анализа, предпринятые почти одновременно (в 20—30-х годах) и независимо друг от друга Д. Кюнстлингером и К. С. Кашталева и позднее продолженные М. М. Бравманом. Контекстный метод был использован Р. Паретом при подготовке немецкого перевода (1963—

1966), одного из самых точных научных переводов Корана. Глубокое знание и широкое привлечение поэзии и прозы аравийских племен V—VII вв. позволили Р. Блашеру найти обоснованные решения многих текстологических загадок в процессе подготовки французского перевода Корана.

Однако заложенные в замысле И. Ю. Крачковского методические идеи остались не реализованными в полной мере, а выполненный им рабочий вариант перевода не получил окончательной научной и литературной формы. В значительной степени обработаны те части Корана, которые были неоднократно читаны И. Ю. Крачковским на занятиях со студентами по программе специального семинара по Корану в 20—40-х годах. Это суры 1, 9, 12, 19, 36, 44, 56, 62, 66, 69, 73, 74, 76, 78, 80, 81, 82, 85, 87, 91, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 105, 109, 111, 112, 113, 114. При подготовке издания были учтены также переводы цитат из Корана, приведенные в печатных работах И. Ю. Крачковского.

Прилагаемые к переводу под рубрикой «Комментарии» материалы не являются комментариями в прямом смысле слова. Они еще должны были превратиться в комментарии в процессе предстоявшей И. Ю. Крачковскому работы над переводом и в зависимости от направленности ее. Если судить по содержанию собранных сведений, по характеру учтенной и подлежащей обработке специальной литературы, комментарии должны были быть по преимуществу историко-филологическими с некоторым предпочтением литературоведческих аспектов. Это проблемы текстологии и хронологии частей Корана, связи его с аравийским фольклором и иудео-христианскими апокрифическими преданиями, особенности стиля и образной системы, культурно-этнографические реалии.

Эти материалы могут быть теперь существенно дополнены результатами лингвистических и культурно-исторических исследований, появившихся за минувшие десятилетия. В большинстве своем собранные И. Ю. Крачковским материалы сохранили научную значимость и по сей день. В них отражены итоги фундаментальных текстологических и лингвистических

работ крупнейших семитологов конца XIX—первой половины XX в. (Нельдеке, Барт, Бергштрессер, Фоллерс, Претцль, Хоровиц), а также исследований в области истории культуры и религии Аравии и ее семитического окружения. Общей особенностью этих работ является то, что ответы на вопросы, связанные с критикой текста, с анализом терминологии Корана, пониманием его понятийного аппарата, их авторы искали прежде всего в данных сравнительной семитологии и в параллелях из иудейско-христианской литературной и фольклорной традиции, сложившейся за пределами оседлых центров собственно Внутренней Аравии, родины ислама. Достоинства и ограниченность такого подхода были обусловлены общим состоянием тогдашних методологии и методики исторической и историко-филологической наук. В целом их придерживался и И. Ю. Крачковский.

Особенно ощутимыми недостатки такого подхода к истолкованию текста Корана становились всякий раз, как речь выходила за пределы этимологии и семантики. Ограниченность исследований того периода по Корану была связана также с неизученностью движения этносоциальной истории Внутренней Аравии, эволюции общественного сознания и социальной психологии ее обитателей в III—VI вв. Именно тогда происходили решающие сдвиги в социально-экономическом развитии всей Аравии, которые и были зафиксированы в Коране как нормы жизни и установления, предписанные Аллахом. Эти сдвиги определили резкое разделение между оседлым и кочевым населением полуострова и подготовили «магометанскую революцию» (К. Маркс), начатую Мухаммадом в Мекке речами и проповедями, составившими содержание Корана. Разделение истории Аравии на чуждые одна другой эпохи «беззакония» (джахилийи) и ислама, воспринятое европейской наукой от мусульманского богословия, было положено в основу тогдашних историко-культурных исследований по Корану. Это нарушило изучение этносоциального и духовного развития общества Внутренней Аравии как единого связного процесса и сделало неизбежной трактовку возникно-

вения ислама и создания Корана как феномена мировой истории, «менее всего связанного с прошлым своего народа» (В. В. Бартольд. Сочинения, т. VI, с. 630).

Такой взгляд обусловил недооценку методического значения для разработки текстологии Корана доисламской поэзии, прозы и обширного эпиграфического материала, оставленных земляками и современниками Мухаммада. С ним связана и недооценка важности сравнительного этнографического и религиоведческого изучения материалов этой словесности для воссоздания историко-культурного подтекста Корана. Он сказался и в недооценке первостепенного значения сравнительного структурно-семантического анализа понятийного аппарата и идеологической лексики доисламской словесности и Корана для адекватного понимания отраженных в Коране сдвигов в религиозном сознании и социальной психологии, в семантике доисламской религиозной лексики, для определения путей и мотивов появления в нем новых терминов.

Однако такое понимание коранических проблем продиктовано сегодняшним уровнем филологических и историко-культурных исследований, современными методологическими и методическими требованиями, и было бы неправомерным ожидать его от И. Ю. Крачковского, всецело принадлежавшего другой научной эпохе. Собственно говоря, намечавшийся им подход к истолкованию и переводу Корана требовал известного преодоления присущих ему научных представлений и методов исследования. Между тем сохранившиеся материалы не позволяют судить о том, насколько готов он был последовательно осуществить свой замысел.

Настоящее издание воспроизводит без изменений текст публикации 1963 г. Были исправлены (см. приложенный список в конце книги) замеченные опечатки и отдельные ошибки, допущенные по недосмотру при подготовке рукописи к печати. За указание на некоторые из них я благодарю М.-Н. Османова.

Ленинград

П. Грязневич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти столетие отделяет выход в свет настоящего перевода Корана от появления первого и единственного до сих пор опубликованного русского перевода, сделанного с арабского подлинника.

История переводов Корана на русский язык не ограничивается пределами истории востоковедения в России — ей принадлежит особая страница в анналах русской культуры. Знакомство с Кораном, этим важнейшим памятником арабско-мусульманской и мировой культуры, началось в России с XVIII в., когда по инициативе Петра Великого П. Посников, известный деятель культуры того времени, подготовил первый русский перевод Корана, опубликованный в 1716 г.¹ Перевод этот далеко отстоит от подлинного текста Корана, тем более что сделан он был с малоудачного французского перевода Дю Риэ (1647 г.), который позднее послужил основой еще для двух русских переводов, появившихся в XVIII в.² Последний из них, напечатанный в 1790 г., принадлежит видному литератору второй половины XVIII в. М. И. Веревкину (1732—1795). Его перевод, отмеченный незаурядными литературными достоинствами, оставил заметный след в истории русской литературы, послужив источником для знаменитых «Подражаний Корану» А. С. Пушкина³. Два года спустя появился перевод Корана, выполненный А. В. Колмаковым (СПб., 1792) с сравнительно хорошего

¹ См.: И. Ю. Крачковский, *Русский перевод Корана в рукописи XVIII в.*, — Избранные сочинения, т. 1, М.—Л., 1955, стр. 177—178.

² Там же, стр. 176 и след.

³ См.: К. С. Кашталева, «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник, — ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 243—270; Крачковский, *Русский перевод Корана в рукописи XVIII в.*, стр. 180—181.

английского перевода Дж. Сэля. Несколько раньше, в 1787 г., в Петербурге было осуществлено первое в России издание арабского текста Корана. Исполненное по поручению Екатерины II специально отлитым для этой цели шрифтом, оно за короткий промежуток до 1798 г. было повторено пять раз. С ним связаны и заслужившие хорошую славу позднейшие казанские издания Корана.

Во второй половине XIX в. пользовался популярностью перевод Корана, сделанный К. Николаевым с французского перевода ориенталиста А. Б. Биберштейна-Казимирского и выдержавший ряд изданий вплоть до начала XX в. (М., 1864, 1865, 1876, 1880, 1901). Все эти переводы носили «просветительский» характер; научного значения они не имели, так как были выполнены неспециалистами и не с подлинника, а с европейских переводов, в свою очередь не всегда в достаточной степени авторитетных. Тем не менее они сыграли свою положительную роль, дав возможность русскому читателю непосредственно познакомиться с главной религиозной книгой мусульман и способствуя устранению бытовавших подчас нелепых представлений об этом памятнике и тем самым — лучшему пониманию особенностей быта и культуры народов мусульманского Востока.

В 70-х годах XIX в. почти одновременно и независимо друг от друга были сделаны два перевода Корана на русский язык, на этот раз уже с арабского оригинала. Автором первого из них (1871 г.), оставшегося, однако, ненапечатанным, был генерал Д. Н. Богуславский (1826—1893), пристав при Шамиле во время его пребывания в Калуге, получивший основательную востоковедную подготовку и многие годы проведший на русской дипломатической службе в Стамбуле⁴. Другой перевод, вышедший в свет в 1878 г., принадлежал известному казанскому востоковеду и миссионеру Г. С. Саблукову (1804—1880), учителю Н. Г. Чернышевского по Са-

⁴ См.: И. Ю. Крачковский, *Перевод Корана Д. Н. Богуславского*, — СВ, III, 1945, стр. 293—301.

ратовской семинарии⁵. Издание его перевода, явившееся значительным научным событием своего времени, было повторено в 1894 и в 1907 гг. (с параллельным арабским текстом), но тем не менее уже вскоре стало библиографической редкостью. Этому переводу, заслужившему положительные отзывы В. Р. Розена, а позднее — И. Ю. Крачковского⁶, на протяжении почти столетия суждено было удовлетворять и нужды науки и разнообразные запросы русского общества.

Однако с течением времени и развитием востоковедения в России недостатки и отрицательные стороны почтенного перевода Г. С. Саблукова ощущались все сильнее каждым, кто к нему обращался. Для арабиста ясны были его многочисленные неточности. Для неспециалиста местами он был трудно читаем из-за особенностей русского языка перевода, перегруженного архаизмами, и зачастую из-за темноты выражений, не позволявшей добраться до обычного смысла; последнее заставляло даже ставить вопрос, понимал ли сам переводчик то, что он хотел передать в переводе.

Более серьезным недостатком перевода Г. С. Саблукова, как, впрочем, и перевода Д. Н. Богуславского и западноевропейских переводов XIX и начала XX в., было то, что в понимании текста Корана переводчик систематически следовал комментариям мусульманских экзегетов, вносящих в свое истолкование «священной книги» идеи и понятия, сложившиеся спустя несколько столетий после появления Корана и нередко совершенно чуждые взглядам его автора.

Таким образом, перевод Г. С. Саблукова весьма далек от адекватности, сама идея о которой появилась лишь в начале 20-х годов нашего века, и является по существу отражением традиционных представлений о Коране, основанных главным образом на комментариях, популярных среди татар-мусульман. К тому же в его переводе имелись специ-

⁵ См.: И. Ю. Крачковский, *Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков*, — Избранные сочинения, т. I, стр. 213—224.

⁶ См.: Крачковский, *Перевод Корана Д. Н. Богуславского*, стр. 296, 300; *Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков*, стр. 223—224.

фические выражения, присущие христианской литературе и возникшие в процессе переводов на русский язык Библии и Евангелия. Будучи закрепленными в печатном переводе Корана, они могли вызвать у неподготовленного читателя ассоциации, далекие от идеологии ислама, и создать искаженное представление об идейном содержании этого памятника.

И. Ю. Крачковскому больше, чем кому-либо другому, были ясны как заслуга перевода Саблукова в истории русской науки и культуры, так и его несовершенства. Мысль о замене его новым, соответствующим современным требованиям науки переводом не была для него случайной. Систематическую работу по переводу Корана И. Ю. Крачковский начал в 1921 г. в связи с курсом лекций по Корану, читавшимся им в течение ряда лет на Факультете восточных языков. Однако его внимание к Корану проявилось значительно раньше. Первой его работой по Корану нужно считать текстуальную поправку к конкорданциям Корана Г. Флюгеля⁷. Первые лекции по Корану были прочитаны И. Ю. Крачковским в 1915 и 1916 гг. В 1917 г. им было дано описание собрания рукописей Корана, поступивших в Азиатский музей в 1916 г.⁸. Вероятно, около того времени появилась у него мысль о полном переводе этого памятника: перевод Корана уже в 1919 г. значится в проспекте издательства «Всемирная литература», основанного М. Горьким⁹. Из систематических занятий Кораном, начатых в 1921 г., возникают и некоторые последующие работы И. Ю. Крачковского, посвященные этой книге; другие возникали по какому-нибудь случайному поводу. Так, в связи с присланной из Пскова для определения

⁷ بُرِّيٌّ или بُرِيٌّ (Поправка к *Concordantiae Corani arabicae* ed. G. Flügel, pag. 28), — ЗВО, XXI, (1911–1912), 1913, стр. 0129–0131 (см. также Избранные сочинения, т. I, стр. 360–362).

⁸ Описание собрания коранов, привезенных из Трапезунта академиком Ф. И. Успенским, — ИАН, VI серия, 1917, стр. 346–349.

⁹ Каталог издательства «Всемирная литература». Литература Востока, Пг., 1919, стр. 30.

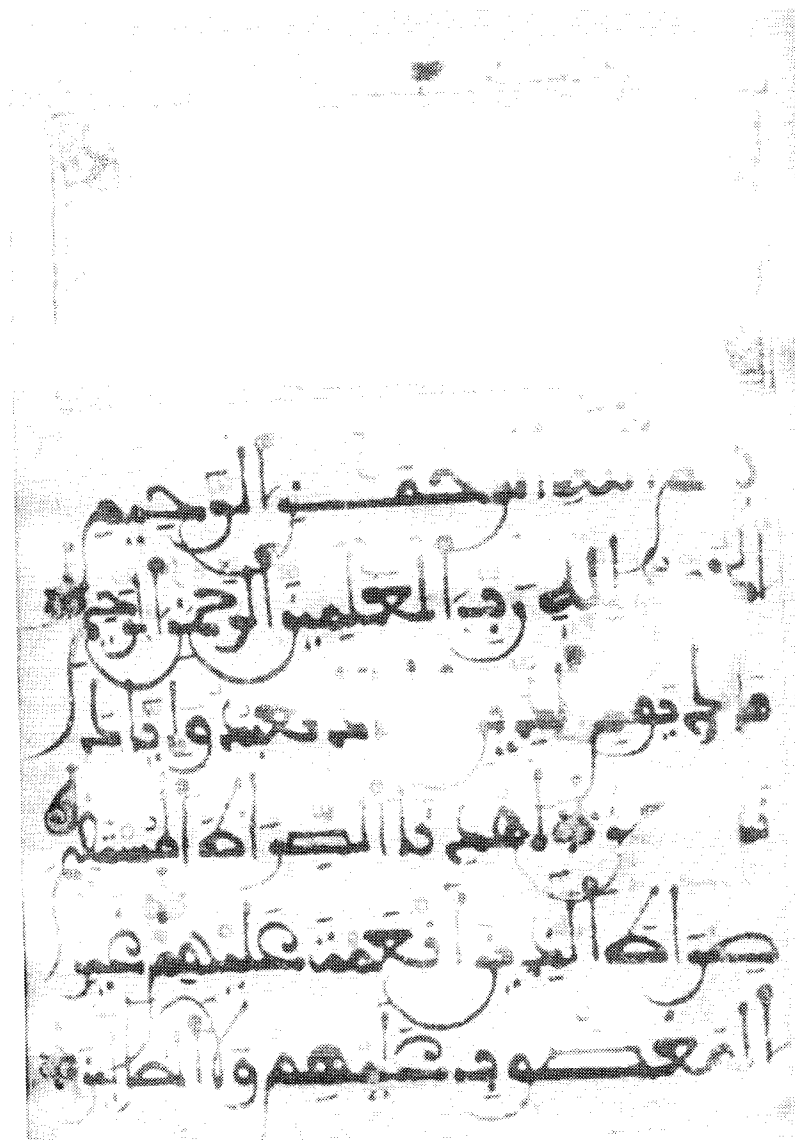

Рис. 1. Магрибинский Коран, сура 1. Фрагмент Института народов Азии АН СССР. Сборник из коллекции Н. П. Лихачева, л. 1026, VI/XII в. 2*

рукописью ему пришлось коснуться вопроса о переводе Корана на белорусско-польский язык в среде литовских татар¹⁰, утративших свой родной татарский язык, и отметить в связи с этим первоклассное значение происходящих из этой среды рукописей Ленинградского университета¹¹.

В 1930 г. вышла в свет статья И. Ю. Крачковского о значении слова *ан-наджм*, часто неправильно понимаемого европейскими переводчиками¹². В 1934 г. И. Ю. Крачковский опубликовал работу об анонимном переводе Корана в рукописи XVIII в. из собрания Библиотеки Академии наук¹³, который, как обычно для того времени, восходил к европейским переводам Корана и представлял интерес главным образом для истории знакомства русского общества того времени с Кораном. Иную оценку получил рукописный перевод Д. Н. Богуславского¹⁴: И. Ю. Крачковский, как и В. Р. Розен, ставил его не ниже, а в некоторых отношениях и выше перевода Саблукова по точности и по литературным достоинствам.

Перевод Корана, выполненный И. Ю. Крачковским, создан на совершенно новой основе. Как европейские, так и русские переводчики зависели в большей или меньшей степени от мусульманской экзегетической традиции. Ярким примером этого служит латинский перевод Марраччи (1698 г.) вместе с связанными с ним позднейшими европейскими переводами и русский перевод Саблукова. Относясь с полным вниманием к богатейшей экзегетической литературе мусульманских богословов, И. Ю. Крачковский, так же как и ряд крупнейших исламоведов и историков (И. Гольдциер, Хр. Снук Хюрронье, Т. Нельдеке, И. Барт, Г. Бергштрессер,

¹⁰ *Рукопись Корана в Пскове*, — ДАН-В, 1924, стр. 165—168 (см. также Избранные сочинения, т. I, стр. 162—165).

¹¹ Там же, стр. 166; «Восток», V, 1925, стр. 269.

¹² *Zur Bedeutung von an-nağm im Koran*, *Sure* 55, — ДАН-В, 1930, 181—185 (см. также Избранные сочинения, т. I, стр. 391—395).

¹³ *Русский перевод Корана в рукописи XVIII века*, — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 219—226 (см. также Избранные сочинения, т. I, стр. 175—181).

¹⁴ *Перевод Корана Д. Н. Богуславского*, стр. 296, 298—301.

А. Ламменс, В. В. Бартольд, А. Э. Шмидт и др.), не переоценивал исторической достоверности этой традиции, сложившейся на основе религиозного предания. Развитие научного исламоведения конца XIX—XX вв. установило тенденциозность этого предания и наличие в нем различных тенденций, которые искажали истинную историческую перспективу и отражались в многочисленных комментариях на Коран. Вследствие этого последние во всех трудных местах коранического текста обычно оказывались ненадежным пособием для научного перевода.

Особенностью исследований И. Ю. Крачковского по Корану явился его подход к нему как к литературному памятнику, первому крупному памятнику арабской литературы, написанному прозой. В этом смысле его исследование шло новыми путями, когда он отказался рассматривать Коран как преимущественно религиозно-философский и законодательный памятник; это вызвало принципиальное изменение в методике его перевода. И. Ю. Крачковский поставил своей целью дать адекватный литературный перевод текста Корана, освободив его от традиционных толкований и подойдя к нему как памятнику своей эпохи и своей среды, используя все последние достижения научного исламоведения. Следуя этой установке, И. Ю. Крачковский, сталкиваясь с малопонятными местами текста, исходит прежде всего из самого Корана, его стиля и словоупотребления, опираясь при этом на материалы языковой среды, окружавшей создание Корана: древнеарабской поэзии и примитивной прозы, а также старейших частей мусульманского предания. Он рассматривает, таким образом, Коран как литературный памятник, возникший во всей сложности современной ему языковой, политической и идеологической обстановки Аравийского полуострова, отразивший ее в общих чертах и в деталях и сам явившийся активным орудием вновь создаваемого государства — теократической общины (*умма*), его религиозной идеологии и законодательства.

Сама мысль о таком подходе к переводу Корана, совер-

шенно новая для своего времени, составляет крупную научную заслугу И. Ю. Крачковского, принципиально отличая его перевод от всех русских и западноевропейских переводов Корана, существовавших к началу 20-х годов нашего столетия, так как намечает единственно правильный путь к созданию адекватного по форме и содержанию перевода этого сложного памятника.

Однако целый ряд обстоятельств помешал И. Ю. Крачковскому полностью осуществить задуманную им работу. Окончательная редакция перевода не была завершена, а обширный подготовительный материал не был целиком реализован. Самый текст перевода остался литературно необработанным, местами сохраняя форму подстрочника. В окончательной редакции перевод ряда стихов, может быть, получил бы иную формулировку, как об этом можно думать на основании переводов коранических цитат в позднейших работах И. Ю. Крачковского. Не получил окончательного решения и вопрос о форме комментария, материал для которого он собирал до последних дней своей жизни, внося его в рукопись перевода в виде краткого конспекта примечаний. Эти примечания основаны на богатейшей научной литературе о Коране и содержат обычно сжатое филологическое объяснение его текста — отдельных слов, выражений, конструкций, стилистических особенностей и т. п.; иногда объяснение заменяется просто ссылкой на научную работу, посвященную данному вопросу.

Хотя, таким образом, публикуемый перевод и не является вполне законченным, издание его представляет первостепенный научный интерес. Перевод И. Ю. Крачковского делает новый большой шаг вперед как по своему замыслу, так и по выполнению сравнительно с существующим переводом Саблукова. Выполненный одним из лучших знатоков Корана, выдающимся арабистом нашего времени, он послужит надежной основой для дальнейшей углубленной работы над этим важным и интересным, но и чрезвычайно трудным для понимания и перевода памятником истории, языка и литературы

арабского народа в переломный момент его исторического бытия и будет способствовать его всестороннему изучению. При подготовке к изданию перевод был сверен с арабским текстом и в нем были устранены неизбежные в переводе, не получившем окончательной редакции, отдельные пропуски и мелкие недосмотры. В целом же текст перевода сохранен в том виде, в каком он был оставлен переводчиком.

Перевод был осуществлен по тексту Корана, изданному Г. Флюгелем (1858 г.); однако по получении официального каирского критического издания (1928 г.), основанного на древнейших и авторитетных рукописях Корана, И. Ю. Крачковский сверил свой перевод с этим изданием, оправдавшим целый ряд предложенных им ранее конъектур. Точно так же переводчик в принципе принял более точное, чем в издании Флюгеля, разделение стихов, данное в каирском издании, и частично внес его в свой перевод. В настоящем переводе было признано целесообразным сохранить наряду с нумерацией стихов издания Флюгеля нумерацию, принятую в каирском издании; она помещена в круглых скобках.

Материалы комментария также оставлены в неизменном виде в том случае, если их понимание не вызывало затруднений; ввиду конспективного характера примечаний их иногда приходилось развертывать во фразу, но лишь тогда, когда мысль автора была ясна. Полностью писались и сокращаемые автором слова. Внесение субъективного решения при этом было абсолютно исключено: добавляемые слова заключались в квадратные скобки. Решение вопроса о фиксации арабской формы для библейских имен (Mūsā вместо Моисей, Hārūn вместо Аарон и т. п.) взяли на себя подготовители и редактор, так как у автора на протяжении всего текста встречается непоследовательная передача — то в одной, то в другой форме. Все библиографические ссылки развернуты в конце книги в виде алфавитного списка условных сокращений: эта библиография включает свыше 300 номеров.

В виде приложения к переводу даны:

1. Описание рукописи перевода Корана, содержащей пе-

речень дат, которые показывают последовательное и непрерывное движение работы, начиная с 9 сентября 1921 г. по 4 августа 1930 г. Работа над текстом перевода и комментарием продолжалась и после окончания систематического перевода: поправки и дополнения к комментарию вносились до конца жизни И. Ю. Крачковского.

2. Описание материалов, относящихся к переводу.

3. Конспекты курсов по Корану, читавшихся И. Ю. Крачковским в разное время, начиная с 1915 по 1949 г., когда И. Ю. Крачковский прекратил занятия в университете.

4. Краткая учебная программа лекций по Корану в университете.

5. Перечень сур Корана, расположенных в хронологическом порядке (согласно Нёльдеке), как их читал в университете И. Ю. Крачковский в первый цикл лекций, охвативший весь объем Корана (с 1921 г. по 1926 г.); после этого И. Ю. Крачковский читал Коран со студентами только выборочно. Приблизительно в хронологическом порядке, в процессе подготовки к занятиям со студентами, осуществлялся и письменный перевод, тогда же снабжавшийся комментариями.

Все материалы, помещенные в приложениях, дают представление о взглядах И. Ю. Крачковского на Коран как на литературный памятник, так же как и о содержании его лекций. В указанных материалах, как и в комментарии, допускались только самые неизбежные дополнения словами, которые заключались в квадратные скобки.

Издание иллюстрируется фотографиями некоторых образцов лучших рукописей Корана из собрания Института народов Азии АН СССР, Исторического музея в Ташкенте и частного собрания В. А. Крачковской, а также факсимиле автографа перевода И. Ю. Крачковского.

Текст перевода и комментарии подготовлены к печати В. А. Крачковской и П. А. Грязневичем. Приложения подготовлены В. А. Крачковской. Список литературы составлен П. А. Грязневичем.

В. Беляев, П. Грязневич

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	3
Предисловие	15

КОРАН

Сура 1. Открывающая книгу	سورة فاتحة الكتاب	27
Сура 2. Корова	سورة البقرة	27
Сура 3. Семейство 'Имрāна	سورة آل عمران	61
Сура 4. Женщины	سورة النساء	81
Сура 5. Трапеза	سورة المائدة	101
Сура 6. Скот	سورة الانعام	116
Сура 7. Преграды	سورة الاعراف	134
Сура 8. Добыча	سورة الانفال	153
Сура 9. Покаяние	سورة التوبة	161
Сура 10. Йўнус	سورة يونس	175
Сура 11. Хўд	سورة هود	185
Сура 12. Йўсуф	سورة يوسف	196
Сура 13. Гром	سورة الرعد	206
Сура 14. Ибрāхйм	سورة ابراهيم	211
Сура 15. Ал-Ҳиджр	سورة الحجر	216
Сура 16. Пчелы	سورة النحل	221
Сура 17. Перенес ночью	سورة الاسراء	232
Сура 18. Пещера	سورة الكهف	241
Сура 19. Марйам	سورة مريم	251
Сура 20. Та хā	سورة طه	257
Сура 21. Пророки	سورة الانبياء	266
Сура 22. Хадж	سورة الحج	274
Сура 23. Верующие	سورة المؤمنین	281
Сура 24. Свет	سورة النور	288
Сура 25. Различение	سورة الفرقان	296

Сура 26. Поэты	سورة الشعراء	301
Сура 27. Муравьи	سورة النمل	312
Сура 28. Рассказ	سورة القصص	319
Сура 29. Паук	سورة العنكبوت	327
Сура 30. Румы	سورة الروم	333
Сура 31. Лукман	سورة لقمان	338
Сура 32. Поклон	سورة السجدة	341
Сура 33. Сонмы	سورة الاحزاب	343
Сура 34. Сабā'	سورة سبأ	350
Сура 35. Ангелы	سورة الملائكة	355
Сура 36. Йā сйн	سورة يس	360
Сура 37. Стоящие в ряд	سورة الصافات	364
Сура 38. Сād	سورة ص	371
Сура 39. Толпы	سورة الزمر	376
Сура 40. Верующий	سورة المؤمن	383
Сура 41. Разъяснены	سورة فصلت	390
Сура 42. Совет	سورة الشورى	395
Сура 43. Украшения	سورة الزخرف	400
Сура 44. Дым	سورة الدخان	405
Сура 45. Коленопреклоненная	سورة الجاثية	408
Сура 46. Пески	سورة الاحقاف	411
Сура 47. Мухаммад	سورة محمد	415
Сура 48. Победа	سورة الفتح	418
Сура 49. Комнаты	سورة الحجرات	422
Сура 50. Қаф	سورة ق	424
Сура 51. Рассеивающие	سورة الذاريات	426
Сура 52. Гора	سورة الطور	429
Сура 53. Звезда	سورة النجم	432
Сура 54. Месяц	سورة القمر	435
Сура 55. Милосердный	سورة الرحمان	438
Сура 56. Падающее	سورة الواقعة	441
Сура 57. Железо	سورة الحديد	445
Сура 58. Преппирательство	سورة المجادلة	448
Сура 59. Собрание	سورة الحشر	451
Сура 60. Испытуемая	سورة الممتحنة	453

Сура 61. Ряды	سورة الصف	455
Сура 62. Собрание	سورة الجمعة	457
Сура 63. Лицемеры	سورة المنافقين	458
Сура 64. Взаимное обманывание	سورة التغابن	459
Сура 65. Развод	سورة الطلاق	461
Сура 66. Запрещение	سورة التحريم	463
Сура 67. Власть	سورة الملك	464
Сура 68. Письменная трость	سورة القلم	466
Сура 69. Неизбежное	سورة الحاقة	469
Сура 70. Ступени	سورة المعارج	471
Сура 71. Нұх	سورة نوح	473
Сура 72. Джинны	سورة الجن	475
Сура 73. Завернувшийся	سورة المزمل	477
Сура 74. Завернувшийся	سورة الدھر	478
Сура 75. Воскресение	سورة القيامة	480
Сура 76. Человек	سورة الانسان	482
Сура 77. Посылаемые	سورة المرسلات	484
Сура 78. Весть	سورة النبأ	485
Сура 79. Вырывающие	سورة النازعات	487
Сура 80. Нахмурился	سورة عبس	489
Сура 81. Скручивание	سورة التكویر	490
Сура 82. Раскальвание	سورة الانقطار	491
Сура 83. Обвешивающие	سورة المطففين	492
Сура 84. Раскальвание	سورة الانشقاق	494
Сура 85. Башни	سورة البروج	495
Сура 86. Идущий ночью	سورة الطارق	496
Сура 87. Высочайший	سورة الاعلى	496
Сура 88. Покрывающее	سورة الغاشية	497
Сура 89. Заря	سورة الفجر	498
Сура 90. Город	سورة البلد	499
Сура 91. Солнце	سورة الشمس	500
Сура 92. Ночь	سورة الليل	501
Сура 93. Утро	سورة الضحى	502
Сура 94. Разве мы не раскрыли	سورة ألم نشرح	502
Сура 95. Смоковница	سورة التين	503

